

КАВКАЗСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ*

*Партии, где решающую роль играют открытые вертикали, однообразны, но эффективны: тяжелые фигуры собираем в кулак — прорываем фронт — громим противника на его позициях.

Учитывая, как много русские знали об Индии и, главное, о путях в эту страну, поход казаков в 1801 году не был такой уж страшной авантюрой. Скорее можно было говорить о слабой материально-технической подготовке похода и полном отсутствии детальной проработки маршрута. Но при других исходных данных русский бросок к берегам Инда и Ганга выглядел вполне реальным. Англичане это отлично понимали, и уязвимость Индии для них была очевидна. Как и то, что любой завоеватель, который попытался бы атаковать «жемчужину короны» с моря, был бы обречен: британский флот в то время конкурентов не имел. А вот на суше все было не так однозначно, потому что британские генералы всерьез сомневались, смогут ли английские солдаты или тем более сипаи противостоять русской армии.

Более того, в Лондоне помнили, что вовсе не Павел I с Наполеоном впервые задумались о военном походе на Индию. Еще во времена правления Екатерины Великой, в 1791 году, французский эмигрант маркиз де Сент-Жени предложил императрице план похода в Индию через Бухару и Кабул. Местом сосредоточения русских войск должен был стать Оренбург. Результатом должно было быть восстановление власти Великого Могола. По мнению Сент-Жени, этот поход

привлек бы на сторону русских мусульман Южной Азии и привел бы к восстанию в самой Индии против владычества англичан. Дальше обсуждения плана дело не пошло, но показательно, что Екатерина отнеслась к нему довольно серьезно.

Военные Ост-Индской компании в Калькутте и генералы в Лондоне понимали: сухопутный путь в Индию, который предполагает переброску больших военных подразделений с севера, есть только один — через Персию и Афганистан. И потому уже в 1800 году, как раз в тот момент, когда Павел и Наполеон выстраивали отношения между двумя странами, англичане решили действовать на опережение. Летом 1800 года в Тегеран прибыла британская дипломатическая миссия, ее возглавлял Джон Малкольм, молодой офицер, сотрудник политического департамента компании, карьера которого началась, когда ему было всего 13 лет. Он отлично говорил на персидском, знал местные традиции. Впрочем, все это было не исключением, а правилом — большинство и британских, и русских офицеров, прославившихся как участники Большой Игры, обладали схожими биографиями. С юного возраста в погонах, на войне, с боевым опытом, со знанием языков, с пониманием реалий Азии и местных традиций.

В Тегеран Малкольм прибыл с эскортом в 500 человек, включая 100 индийских всадников и пехотинцев и 300 слуг и помощников. Ему было поручено любой ценой подписать с шахом договор о совместной обороне. Англичане обещали поддержать шаха в случае войны с Афганистаном, а он в свою очередь, по их замыслу, должен был не пустить в Персию французов. Угрозу Индии британцы хотели остановить на дальних рубежах. Договор был подписан — уж

очень красиво умел говорить Малкольм, и очень уж шаху понравились дары, поднесенные дипломатом. Богато украшенные ружья и пистолеты, усыпанные драгоценностями часы, позолоченные зеркала для шахского дворца.

Вскоре, правда, шах убедился, что подписанный договор не гарантирует дружбы с англичанами, что в целом является характерной чертой англосаксонской современной политики. 8 января 1801 года Павел I подписал указ о присоединении Грузии к Российской империи, в сентябре того же года Александр I подтвердил решение отца. Это вызвало беспокойство в Тегеране, а в 1804 году, когда русская армия двинулась дальше на юг и осадила крепость Эривань, столицу Армении, персидский шах решил, что настало время обратиться к англичанам за помощью. Но к этому времени Российская империя и Англия стали формальными союзниками против Наполеона, и в Лондоне на призыв шаха никак не отреагировали. Кстати, формально все было правильно — в договоре Малкольма про русских слова единого не говорилось, там упоминались только Франция и Афганистан. Разобиженный шах в ответ подписал в 1807 году договор с Наполеоном, в котором говорилось о разрыве всех отношений с англичанами. Одновременно с этим шах соглашался объявить Британии войну и позволить французским войскам пройти в Индию, принять у себя в Тегеране французскую военную миссию. Англичане в ответ отправили к шаху сразу двух послов — одного из Лондона, другого из Калькутты. Просто правительство и Ост-Индская компания не успели проконсультироваться между собой.

Одну миссию, калькуттскую, возглавил все тот же Джон Малкольм, который принялся угрожать шаху,

обещая тому множество проблем со стороны Англии. Общался он через посланников — шах его даже не принял, и потому ему пришлось уехать ни с чем. В то же время шах понимал, что французы ему помогать в случае войны с Англией не станут. И когда в Тегеран прибыл посол из Лондона, сэр Харфорд Джонс, шах согласился выгнать французскую миссию, договор с Наполеоном признать ничтожным, а при участии Джонса было заключено новое соглашение. Шах обязывался не позволять вооруженным силам какой-либо другой страны пересекать его территорию с целью нападения на Индию, не участвовать в каких-либо предприятиях, враждебных британским интересам, а также аналогичным интересам Индии. В обмен на это Англия официально пообещала военную поддержку. Или же Персия должна была получить достаточное количество вооружения и военных советников, чтобы быть способной воевать самостоятельно.

Однажды уже столкнувшись с английским коварством, шах на этот раз решил все оформить документально и точно. Ему удалось выбить из англичан ежегодную помощь в размере 120 000 фунтов стерлингов на модернизацию его армии. Ответственным за это назначили Джона Малкольма, который к тому моменту уже стал генералом. И в Лондоне, и в Калькутте понимали, что никто лучше него не справится с этой важной миссией. Как и с другой, более деликатной. Ему и группе сопровождавших его военных советников было поручено собрать максимум сведений о географии Персии и Афганистана, об отношениях между племенами, о состоянии дорог и возможности преодоления пустынных пространств Южной Азии войсками потенциального противника — русских или французов. Англичане боялись всех. Дело в том, что

Наполеон, несмотря на смерть Павла I, несмотря на то, что Россия не была его союзником, планов атаковать Индию не оставил. И это не было секретом для европейских политиков. Русский журнал «Вестник Европы» в 1808 году публикует перевод статьи из венского журнала как раз о будущем походе французов:

«Народы Европы не могут любить Англичан. Высокомерие, национальный эгоизм и грубость уничтожают в них всякую любезность; но характер сей нации вообще благородный; но множество великих людей, возвысивших ее своими дарованиями и приносящих честь всему человечеству; но просвещение и образованность ее, достигшие до высокого совершенства; но разнообразные и великие предприятия для пользы общества, которыми она славится; но законы ее и конституция, превосходные, несмотря на многие недостатки, служат основанием того уважения, которое имеют к ней все просвещенные люди. Намерение напасть на восточную Индию кажется близким к произведению в действие, и горе Англичанам, если оно увенчано будет успехом! Соотечественники их, знающие положение мест, видят опасность и предсказывают потери. Одни высокомерные, утопающие в ничтожестве Лондонские Набобы мечтают о возможности отразить Наполеоновы войска своими Индийскими Сеапоисами (Индийские солдаты).

Все обстоятельства теперь споспешествуют сему великому предприятию — Англия ничем не может остановить его, как самым скорейшим миром.

Уже несколько раз Англичане были остерегаемы на счет сего ужасного предприятия Наполеонова. Император Наполеон, в походе своем против Ост-Индии, конечно не встретит ни в Персии, ни в Индии

препятствий непобедимых. На дороге находится одна только степь, которую, с помощью верблюдов, можно пройти в три или четыре дни: следовательно (так мыслит Издатель Минервы) 40 или 50 тысяч войска, снабженного нужными припасами, могут естли не уничтожить, то без сомнения поколебат с корнем владычество Англичан в Ост-Индии. Дорога в сию страну указана Французам Природою, Политикою и опытом Историческим. Она та же самая, которую избрал Шах-Надир в 1738, когда он вторгся из Персии в Ост-Индию, и разорив Дели, сделался повелителем сего великого Царства.

Нельзя предполагать, чтоб, по прошествии семидесяти лет, Французское войско, ведомое сими опытами, могло встретить на пути своем к Дели более затруднений, нежели Персидское. Сей город, чрезвычайно обширный, могущий быть главною квартирою великой армии, хранилищем многочисленных военных запасов, и средоточием сообщения между владельцами и народами Индийскими, доставил бы важные пособия Французскому войску, привел бы его в состояние заключить союз с Мараттами, и открыл бы ему дорогу далее на Запад, — дорогу, которую назначает самая Политика, и именно — прямо в Бомбай.

Завоевание Бомбая было бы сильным потрясением Британского могущества в Ост-Индии. Это единственная Английская гавань во всем Индостане, к которой могут приставать большие корабли. Сей город почитают Англичане вторым из всех, принадлежащих им в Азии; сверх того имеет в нем пребывание полномочное и прикрепленное великими военными силами Правительство.

Скажем последнее свое мнение: никто не будет столь безрассуден, чтобы почитать поход в Ост-Индию

незатруднительным; но можно из всего, что мы говорили выше, заключить, что все препятствия уничтожатся, если только планы Завоевателя не будут слишком обширны».

Весной 1810 года в небольшом оазисе Нушки недалеко от афганской границы, в том районе Азии, который принято называть Северным Белуджистаном, два молодых человека нанимали проводников и охрану, чтобы ехать в Герат, находящийся на границе с Персией. Они объясняли, что они братья, татары по национальности, работают на индийского купца. А в Герат им нужно, чтобы купить лошадей. В оазис Нушки они прибыли из Келата, неофициальной столицы Белуджистана, туда они приплыли на купеческом судне из Бомбея. Через несколько дней, наняв сопровождение, татарские братья разъехались — один отправился в Герат напрямую, другой решил ехать на юг Персии, в Керман. В действительности они не были ни татарами, ни торговцами, старшего из них звали Чарльз Кристи, младшего — Генри Поттинджер. Капитан и лейтенант 5-го Бомбейского пехотного полка были отправлены с опасной миссией генералом Малкольмом. Им предстояло пройти через места, где до них почти не было европейцев, где не существовало никаких законов, кроме родоплеменных. Несмотря на тщательно подготовленную легенду, несмотря на знание языков, оба разведчика вызвали у местных подозрение. Более того, за несколько часов до отъезда они узнали, что их ищут посланники властителя Синда, пока еще не зависимого от англичан индийского государства, осколка империи Великих Моголов. Тот откуда-то узнал, что двое англичан рыщут около границ его государства и, видимо, ведут разведку.

Сэр Генри Поттинджер (1789–1856)

Everett Collection, Shutterstock.com

Путешествие Кристи и Поттинджера продолжалось почти три месяца. И это, без всякого сомнения, была уникальная разведывательная операция, и, конечно, оба офицера были настоящими героями. Все три месяца они тайно вели записи, фиксируя все, что видели, что слышали, что могло иметь значение для обороны Индии. Они отмечали родники и реки, посевы сельскохозяйственных культур и прочую растительность, количество осадков и характер климата, описывали укрепления попадавшихся по пути кишлаков и детально описывали индивидуальные

особенности местных ханов и их союзников. Кристи и Поттинджер даже описывали развалины и памятники истории, собирая местные байки и легенды о них. Кристи смог, кроме всего прочего, составить карту своего маршрута, на основе которой позднее создали первую военную карту западных подступов к Индии.

Лейтенанту Поттинджеру пришлось в путешествии куда сложнее, чем его товарищу. И не только потому, что по дороге он пересек две пустыни, но и потому, что из-за опасности разоблачения ему на ходу пришлось менять свою легенду — из опасения быть ограбленным и убитым афганскими племенами он решил назваться татарским паломником, хаджи. И это при том, что он обладал весьма поверхностными знаниями об исламе и практически не умел делать намаз. Надо признать, что лейтенант Поттинджер был рискованным парнем. Несколько раз он даже сумел в мечетях сделать вид, что читает молитву. Перед отъездом из Бомбея он не поленился выучить у своего слуги несколько основных сур из Корана. Один раз его едва не разоблачили на рынке, где он покупал пару сапог. Старик в толпе, собравшейся вокруг, обратил внимание, что ноги у Поттинджера слишком уж нетипичные: нет мозолей, трещин, то есть человек явно привык носить хорошую обувь. Офицер поспешил скрыться, больше никогда не переодевал сапоги прилюдно и даже старался давать ногам загорать на привалах, чтобы они стали такими же темными, как лицо и руки. В другом кишлаке мальчишка лет 12 пристально посмотрел на разведчика, внезапно произнес: *«Если бы он не сказал, что он паломник, я бы поклялся, что он приходится братом тому европейцу Гранту, который приезжал в прошлом году в Бамтур...»*

Дело в том, что за год до этого капитан Грант из Бенгальской туземной пехоты был направлен с официальной миссией в Восточную Персию. И мальчишка его там видел. Удивительное стечение обстоятельств — подросток, который, пожалуй, единственный из местных жителей встречал живого европейца, попался Поттинджеру на пути. Он потом вспоминал: «Я попытался игнорировать замечание паренька, но мой смущенный вид меня выдал». Местный хан спросил у англичанина, правда ли, что он на самом деле европеец. И добавил, что бояться ему нечего. Здесь, около персидских границ, ему вреда не причинят. Тогда лейтенант на ходу сочинил легенду, что он европеец, но из небогатых слоев, и был вынужден наняться на службу к одному крупному индийскому купцу. А паломником он назвался, потому что не был уверен, что иначе выполнит задание своего босса. Хан, к счастью для разведчика, ему поверил и даже восхитился тем, как тот ловко выдавал себя за паломника. В дневниках Поттинджера есть немало упоминаний о том, как был труден его маршрут с технической точки зрения. Постоянная жажда, жара, невыносимый климат. Он писал:

«Человек с терпением и надеждой может выдержать усталость и голод, жару или холод и даже длительное полное отсутствие естественного отдыха. Но чувствовать, что у вас в горле все пересохло так, что вы с трудом можете вздохнуть, опасаться пошевелить языком во рту, боясь при этом задохнуться, и не иметь возможности избавиться от этого ужасного ощущения, это... это самое страшное испытание, которое может ждать путешественника».

Капитан Кристи тем временем добрался до Герата — одного из самых больших городов Афганистана. Он тоже по дороге изменил легенду. Назвался паломником и лишь в Герате снова стал представляться торговцем лошадьми. Базары Герата считались едва ли не самыми богатыми в Азии, через него шли основные дороги на запад к караванным городам Персии — Мешхеду, Тегерану, Керману и Исфахану, на восток к Кабулу и дальше в Индию. И вот именно это положение Герата было для англичан определяющим, потому что именно здесь, именно этим путем, вражеские (читай: русские) войска могли пройти до одного из двух горных проходов в Индию, Хайберского или Боланского перевалов. Более того, долина Герата была весьма плодородной и могла не просто прокормить армию вторжения, но и обеспечить ее припасами на будущий поход. Кристи прожил в Герате месяц, собирая сведения о возможностях обороны города, о его казне, о политических взглядах местной элиты. Затем он перебрался в персидский Мешхед, якобы для того, чтобы посетить святые места перед покупкой лошадей.

В Персии он почувствовал себя в безопасности. Даже если бы обнаружилось, что он шпион, офицер Ост-Индской компании, это вряд ли стало бы проблемой, учитывая, как тесно Тегеран сотрудничал с англичанами. Через несколько дней Кристи и Поттинджер встретились в Исфахане. Поначалу они даже не узнали друг друга, настолько они оба загорели и обросли за месяцы, проведенные в пути. За невероятное путешествие, за смелость, отвагу, за находчивость молодые офицеры, совсем мальчишки с современной точки зрения, были должным образом вознаграждены. Лейтенанта Поттинджера, которому еще не было

21 года, ждала многолетняя работа, рыцарское звание, должность губернатора Гонконга. Кроме секретных отчетов для начальства, Поттинджер написал книгу о своих приключениях, ставшую в Англии своего рода бестселлером. А вот капитан Кристи согласился на предложение генерала Малкольма остаться в Персии в должности военного инструктора. Он стал обучать персидские войска для возможного противостояния русской агрессии. И, по иронии судьбы, был убит как раз в схватке с русскими.

Как уже упоминалось, интересы Российской империи и Персии столкнулись на Кавказе. Русско-персидская война шла с 1804 по 1813 год, и за ее ходом Лондон и Калькутта наблюдали с вниманием и напряжением. Это была война, в которой Тегеран регулярно пытался вытеснить русских из зоны своих традиционных, как считали персы, интересов. Как правило, военные походы персидской армии заканчивались одним и тем же результатом — победой русских. И расширением русского влияния в Закавказье.

Один из таких эпизодов заслуживает особого внимания, потому что долгие годы он был несправедливо забыт. Это героический, невероятный поход полковника Карягина летом 1805 года, который был совершен на территории нынешнего Карабаха. Персидский правитель Баба-хан решил поквитаться с русскими за проигранную кампанию 1805 года. Он выслал 40-тысячное персидское войско под командованием наследного принца Аббас-Мирзы. Отряд перешел Аракс, батальон семнадцатого егерского полка под командованием майора Лисаневича был не в силах удержать переправу, и князь Павел Дмитриевич Цицианов, главнокомандующий русскими войсками на Кавказе, отправил на помощь к нему другой батальон

и два орудия под командованием шефа того же полка, полковника Карягина.

Павел Михайлович Карягин начал службу рядовым в Бутырском пехотном полку во время Турецкой войны 1773 года. Когда Бутырский полк был перебазирован на Кубань, Карягин попал в суровую обстановку, где на кавказской оборонительной линии шли бесконечные стычки с горцами. Он был ранен при штурме Анапы, и с этого времени вся его жизнь проходила в войнах и походах. В 1803 году его назначили командиром семнадцатого полка, расположенного в Грузии. Карягин выступил из Елизаветполя 21 июня и через три дня, подходя к Шах-Булаху, увидел передовые войска персидской армии. Под командованием Карягина были 493 солдата и офицера и два орудия.

Замечательный русский военный историк Василий Александрович Потто в своем фундаментальном пяти-томном труде «Кавказская война» описывает первую стычку с персами так:

«Карягин, подходя к Шах-Булаху, увидел передовые войска персидской армии, под начальством сардаря Пир-Кули-хана.

Так как здесь было не более трех-четырёх тысяч, то отряд, свернувшись в каре, продолжал идти своей дорогой, отражая атаку за атакой. Но под вечер вдали показались главные силы персидской армии, от пятнадцати до двадцати тысяч, предводимые Аббас-Мирзой, наследником персидского царства. Продолжать дальнейшее движение русскому отряду стало невозможным, и Карягин, осмотревшись кругом, увидел на берегу Аскорани высокий курган с раскинутым на нем татарским кладбищем — место, удобное для обороны. Он поспешил его занять и, наскоро окопавшись рвом,

загородил все доступы к кургану повозками из своего обоза. Персияне не замедлили повести атаку, и их ожесточенные приступы следовали один за другим без перерыва до самого наступления ночи. Карягин удержался на кладбище, но это стоило ему ста девяноста семи человек, то есть почти половины отряда»¹.

Еще раз вчитайтесь: так как врагов было не более трех-четыре тысяч, отряд (в котором было меньше 500 штыков) шел дальше, выполняя поставленную задачу. Персы, атакуя укрепленную русскую позицию, понесли большие потери, и следующие сутки Аббас-Мирза принялся обстреливать лагерь, не рискуя снова атаковать. При этом сам Карягин сдаваться даже не думал. На третий день, 26 июня, у осажденных закончилась вода, а персы установили новые легкие батареи на господствующих высотах. Карягин был трижды контужен и ранен пулей в бок навылет. Большинство офицеров также выбыли из строя. Солдат, еще не раненных, осталось около ста пятидесяти человек. При этом русские постоянно совершали вылазки из лагеря и наносили персам ощутимые потери. Например, солдаты под командованием поручика Ладинского ворвались в персидский лагерь, добыли воду и принесли с собой 15 фальконетов. Ладинский рассказывал:

«Я не могу без душевного умиления вспомнить, что за чудесные русские молодцы были солдаты в нашем отряде. Поощрять и возбуждать их храбрость не было мне нужды. Вся моя речь к ним состояла из

¹ Потто В. А. Кавказская война. В 5 т. Т. 1. — М.: Центрполиграф, 2006.

нескольких слов: “Пойдем, ребята, с Богом! Вспомним русскую поговорку, что двум смертям не бывает, а одной не миновать, а умереть же, сами знаете, лучше в бою, чем в госпитале”. Все сняли шапки и перекрестились. Ночь была темная. Мы с быстротой молнии перебежали расстояние, отделявшее нас от реки, и, как львы, бросились на первую батарею. В одну минуту она была в наших руках. На второй персияне защищались с большим упорством, но были переколоты штыками, а с третьей и с четвертой все кинулись бежать в паническом страхе. Таким образом, менее чем в полчаса мы кончили бой, не потеряв со своей стороны ни одного человека. Я разорил батарею, набрал воды и, захватив пятнадцать фальконетов, присоединился к отряду»¹.

В ночь на 29 июня Карягин решил прорываться из окружения. Обоз оставили на разграбление, с собой взяли оружие, пушки, в том числе и трофейные фальконеты, боеприпасы. Под покровом ночи с помощью армянского проводника русский отряд смог уйти от преследования, а начавшаяся буря еще раз спасла его. Под утро русские оказались под стенами крепости Шах-Булах, занятой небольшим персидским гарнизоном. Поскольку персы спали, в том числе и поставленные в охранение — они ведь все были уверены, что русские сидят далеко и в окружении, — Карягин приказал атаковать. Был сделан залп из орудий, которым выбили ворота, и за десять минут русский отряд захватил крепость. Начальник гарнизона, Эмир-хан, родственник наследного персидского принца, был убит.

¹ Там же.